

В заключение следует отметить, что Республика Беларусь, став суверенным государством, разработав стратегию устойчивого развития, провозгласив многовекторность внешней политики, может более успешно развиваться в составе восточнославянского союза. Белорусское общество имеет большой интеллектуальный потенциал, служащий основным фактором его конкурентоспособности. В Беларуси формируется гражданское общество. Основную роль в этом процессе играет государство, поскольку именно оно определяет политику защиты национальных интересов, решает вопросы гарантии прав граждан, намечает главные направления реформирования экономики и т.д. Правда, слабость национальной идеи, аморфный характер политических партий, специфика менталитета населения делают данный процесс более длительным и трудным. Вместе с тем избранная стратегия позволит нашей республике занять достойное место в восточнославянском общесоюзном государстве и сообща активно участвовать в международном разделении труда. Только при условии сплоченного и крепкого союза восточнославянских государств можно успешно решать возникающие в процессе глобализации проблемы. Решающая роль в этом деле отводится субъективному фактору.

Список цитированных источников

1. См.: Бабосов, Е.М. Структурная трансформация образа жизни населения Беларуси в конце XX – начале XXI века / Е.М.Бабосов. – Мн.: Право и экономика, 2005. – 230 с; Яскевич Я.С. Системная трансформация общества и глобализация: экономические, информационные и социокультурные измерения // Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы. – Брест, 2007. – С. 64–68; Truchalińska B. Aksjologia przeszłości jako źródło modeli alternatywnych // Bezpieczeństwo człowieka a wartości. – Siedlce, 2010. – S. 25–35.
2. Кирвель, Ч.С. Эпоха глобальных перемен и перспективы развития восточнославянских народов // Problemy cywilizacyjnego rozwoju Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy od końca XVIII do XXI wieku. – Kraków, 2007. – S. 174.
3. Уткин, А.Н. Вектор глобальных перемен. Анализ и оценка основных факторов мирового политического развития // Политические исследования, 2000. – № 1. – С. 43–44.
4. Уткин, А.И. Мировой порядок XXI века / А.И.Уткин. – М.: Алгоритм, 2001. – 216 с.

НОРМЫ МОРАЛИ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Андрияшко М.В.

Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь

В процессе эволюционирования, наполнения новым содержанием и отказом от прежних догм, семья и соотношение ролей ее участников или членов рассматривались под разным углом и в разных пропорциях. Например, М.В. Довнар-Запольский указывал, что для мужчины считалось абсолютно зазорным и совершенно недопустимым выполнение «женской работы», под которой, в частности, понималось: «<...> доставать из печи пищи <...>; достать из сундука белья, хлеба или сала перед отправлением в дорогу <...>» [1, с. 19].

Вместе с тем под давлением времени и объективно меняющихся условий, семья, закончив свое развитие как закрытая социальная система, стала наполняться содержанием, характерным для открытых социальных систем: с одной стороны, семья как самостоятельная единица стала пониматься, например, как самостоятельный субъект права, с другой стороны, семья стала рассматриваться как участница динамично развивающегося института общественных отношений – социального партнерства. По словам Ф.С. Тумусова, «социальное партнерство – одно из важных звеньев соединения коллективных и индивидуальных интересов» [2, с. 160].

Возлагая на семью ответственность за воспитание детей, законодательство признаёт семью субъектом права, способным нести такую ответственность под страхом применения семейно-правовых санкций. Так, ответственность семьи за воспитание детей предусмотрена, например, ст. 17 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» [3], которая называется «Ответственность семьи за ребенка». Ст. 65 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [4] указывает, что на семью возлагается ответственность за воспитание и содержание детей, их защиту. Абзац 1 п. 1 ст. 30 Гражданского кодекса Республики Беларусь [5] допускает возможность судебного ограничения дееспособности гражданина, если он ставит свою семью в тяжёлое материальное положение вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами либо психотропными веществами.

Практика показывает, что при алкоголизме одного из супругов семья перестает выполнять должным образом свою главную функцию – воспитание детей. А.М. Нечаева, оценивая причины распада семей и направления защиты семьи, отмечает, что «непосредственный каждодневный контакт с родителем-алкоголиком превращается в опасный для несовершеннолетнего, его здоровья, воспитания источник» [6, с. 41].

Отметим, что в 2009 г. лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, совершено 30 539 преступлений, 237 394 лица были привлечены к ответственности за распитие алкогольных напитков в общественном месте либо появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, с 2006 по 2009 год от случайных отравлений алкоголем погибло около 10,5 тыс. жителей республики. Наряду с ростом алкогольной смертности возросло число лиц, состоящих на наркологическом учете по причине: 1) алкоголизма, – на 6,3% (с 171 103 в 2006 г. до 181 833 в 2009 г.), в том числе женщин – на 36,7% (с 27 417 до 37 483 соответственно); 2) употребления алкоголя с вредными последствиями, – на 23,5% (с 69 945 в 2006 г. до 86 368 в 2009 г.), в том числе женщин – на 44,5% (с 10 823 до 15 644 соответственно), несовершеннолетних – на 3,2% (с 16 828 в 2006 г. до 17 372 в 2009 г.) [7].

Опыт большинства стран мира свидетельствует, что антиалкогольная государственная политика должна быть направлена на защиту жизни и здоровья граждан, укрепление демографической безопасности, заботу о подрастающем поколении. «Область нравственных и демографических характеристик семейных отношений» в качестве актуального положения, с которым связано дальнейшее реформирование семейного законодательства», – отмечает Н.Н. Тарусина, и с ней соглашается А.М. Нечаева [8, с. 121].

Статья 1 КоБС, перечисляя задачи брачно-семейного законодательства, говорит о руководстве моральными принципами при правовом регулировании отношений по укреплению семьи [4]. Исследователи указывают, что «моральное начало усилено» [9, с. 36] в нормах действующего КоБС, и при этом ссылаются на содержание ст. 16 КоБС в части сокращения срока регистрации брака, ст. 18 КоБС в части снижения брачного возраста, ст. 35 КоБС в части недопущения расторжения «брака во время беременности жены и до достижения ребенком возраста трех лет без письменного согласия другого супруга на расторжение брака при условии, что он проживает совместно с ребенком и осуществляет родительскую заботу о нем, за исключением случаев, когда отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как об отце ребенка исключены из записи акта о рождении ребенка» [9, с. 36].

О силе нравственных императивов и влиянии норм морали на брачно-семейные отношения, а также о взаимодействии морали и права в рамках семейного права пишут многие исследователи, в числе которых Ю.А. Королев, А.М. Нечаева, Е.М. Ворожейкин. Так, Ю.А. Королев, исходя из того, что брачно-семейные отношения регулируются правовыми и нравственными нормами, отмечает: «Приведение брачно-семей-

ного законодательства в соответствие с нравственными требованиями общества является шагом на пути укрепления семьи и развития отношений в ней» [10, с. 178]. А.М. Нечаева отмечает, что «в области семейных отношений, касающихся несовершеннолетних детей, налицо правовое оформление норм сугубо нравственного порядка <...>» [11, с. 28]. Е.М. Ворожейкин указывает, что «семейные отношения регулируются не только нормами права, но и нормами морали» [12, с. 271]. Коллектив авторов (А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский), рассматривая схожие черты и отличительные особенности норм морали и права, указывает на то, что «при применении норм права нередко является обязательной нравственная оценка личности (при решении вопроса об оставлении ребенка у родителей, лишении родительских прав и т.д.)» [13, с. 231]; «нормами права допускается возможность для молодых матерей отказаться от новорожденных и передать их на воспитание в приюты. Нравственность же подобные поступки однозначно осуждает» [13, с. 232]. З.В. Ромовская отмечает, что «в семейном праве не существует обязанности, которой не соответствовала бы обязанность нравственная. Поэтому любое противоправное поведение является одновременно и поведением аморальным» [14, с. 47]. В целом характеризуя взаимодействие правового и морального регуляторов, А.Б. Венгеров указывает, что «Нравственные нормы подкрепляют правовые <...>, и наоборот, нарушение правовых норм влечет за собой, как правило, и моральное осуждение» [15, с. 308].

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г., вступивший в силу 14 сентября 1999 г. [4], продолжил традиции, заложенные в принятых в эпоху советской власти брачно-семейных кодексах, в части закрепления норм об опеке и попечительстве и других формах устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, дополнив перечень существовавших форм новыми.

Список цитируемых источников

1. Довнар-Запольский, М.В. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губ. / М.В. Довнар-Запольский. – М.: Типо-лит. К. Александрова, 1897. – 79 с.
2. Тумусов, Ф.С. Семья и постиндустриальная цивилизация / Ф.С. Тумусов // Вопросы философии. – 2001. – № 12. – С. 153 – 163.
3. О правах ребенка: Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-XII; в ред. Закона РБ от 10 нояб. 2008 г., № 451-3 // Нац. реестр правовых актов РБ. – 2008. – № 277. – 2/1547.
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон РБ, 9 июля 1999 г., № 278-3; в ред. Закона РБ от 15 июля 2010 г., № 166-3 // Нац. реестр правовых актов РБ. – 2010. – № 183. – 2/1718.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон РБ, 7 дек. 1998 г., № 218-3; в ред. Закона РБ от 16 июля 2010 г., № 172-3 // Нац. реестр правовых актов РБ. – 2010. – № 184. – 2/1724.
6. Право и защита семьи государством / Е. Г. Азарова [и др.]; редкол.: проф. В.П. Мозолин, проф. В.А. Рясенцев (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1987. – 184 с.
7. О Государственной программе национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011–2015 годы: постановление Совета Министров РБ, 11 янв. 2011 г., № 27 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 8. – 5/33153.
8. Нечаева, А.М. Н.Н. Тарусина. Очерки Российского семейного права. Ярославль: Министерство общего и профессионального образования РФ, 1999; Н.Н. Тарусина. Семейное право: уч. пособие. – М.: Проспект, 2001 / А.М. Нечаева // Государство и право. – 2002. – № 3. – С. 121-122.
9. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С.М. Ананич [и др.]; под ред. В.Г. Тихины, В.Г. Голованова, С.М. Ананич; Нац. центр зак-ва и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 680 с.
10. Королев, Ю.А. Семья, государство, общество / Ю.А. Королев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 192 с.
11. Нечаева, А.М. Семейное право: курс лекций / А.М. Нечаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2002. – 320 с.
12. Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин. – М.: Юрид. лит., 1972. – 336 с.
13. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – 2-е изд., исправ. и доп. – Минск: Тесей, 1999. – 560 с.

14. Ромовская, З.В. Защита в советском семейном праве / З.В. Ромовская. – Львов: Вища школа, 1985. – 180 с.

15. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Баранов А.М.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь

Использование исключительно *технократического* подхода в исследовании трансформаций современной социально-экономической системы не допустимо, поскольку не учитываются творчество, изобретательство, антропогенная активность трудовых ресурсов как субъектов научного познания, происходит учёт исключительно технических, инженерных операций. Современные исследователи выделяют следующие методологические концепции изучения информационной экономики (табл. 1) [1].

Таблица 1 – Методологические подходы исследования информационной экономической системы

Направления и подходы	Представление об информационной экономической системе	Предмет исследования и полученные результаты
1	2	3
Структурный М. Порат, Ф. Махлуп, Т.П. Николаева, Т.А. Селищева	Информационная экономика – система взаимосвязанных экономических секторов (производственных отраслей и инфраструктуры), в которой доминирующей является сфера информационно-технологического производства	Изучение влияния сферы информационного и информационно-технологического производства на экономику. Сфера информационного и информационно-технологического производства пронизывает все секторы экономики и способствует размыванию границ отраслевой специализации экономики
Функциональный В.Л. Тамбовцев, Т.П. Николаева, Б.В. Корнейчук, Ф. Эванс и др.	Информационную экономическую систему связывают с функционированием рынка	Механизм функционирования рынка информации. Механизм функционирования рынка товаров и услуг в условиях обладания экономическими агентами асимметричной информацией о товаре. Механизм деконструкции традиционных форм взаимодействия
Технико-технологический Р.М. Нижегородцев С.Ю. Глазьев, Ю.В. Яковец	Информационная экономика – комплекс отраслей, связанный с производством научной информации и информационных средств, продуктов и технологий	Пятый технологический уклад является переходным, поэтому становление информационного общества закончится с распространением шестого технологического уклада
Организационный М. Кагельс, С.А. Дятлов, И.А. Лазорев, И.А. Стрелец, А.Д. Урсул, Г.С. Хижа, А.Б. Курицкий	Информационная экономика – системно организованная многоуровневая информационная среда, в которой осуществляется взаимодействие хозяйствующих агентов, находящихся в любой точке пространства	Новые формы, способы взаимодействия экономических агентов, особенно сети структур, глобализация потоков: финансового и информационного; глобализация рынков. Возможность функционирования гибких производственных систем. Управление организациями сменяется управлением процессами.